

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Кунильский А. Е. Тема «жизни» в русской литературе XIX века и у Достоевского (монография). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. – 148 с.

Монография А. Е. Кунильского выстроена вокруг одного из важнейших в русской и мировой культуре (конкретно – литературе) концепта «жизнь». Во Введении автор раскрывает историю зарождения собственного исследовательского интереса к данной проблематике: чтение в юношеские годы книги В. В. Вересаева «Живая жизнь», лекции преподавателя-германиста, своего рода кумира многих поколений студентов Петрозаводского университета Л. И. Мальчукова, увлеченность которого Гете и Томасом Манном позволила автору книги уяснить германские корни концепта «жизнь». А. Е. Кунильский оговаривает особо и иные источники генезиса «жизни» (библейская традиция, русские фольклорные сюжеты и мотивы).

При всей актуальности и очевидности *темы жизни в русской литературе XIX века* энциклопедии и словари по творчеству «наших всё», А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, отражают ее крайне мало и скупо или вообще избегают. В последнее десятилетие, что называется, «лед тронулся»: во Введении к монографии приведен исчерпывающий ряд исследований как самого автора, так и литературоведов, осмысляющих в творчестве Достоевского такие явления, как «живая жизнь», концепция «живой жизни», «живая жизнь» против «мертвой жизни», понятие «жизнь», тема жизни.

Очевидно, что в современной филологической науке созрела необходимость осмысления этого сложного, внутренне противоречивого и неоднозначного понятия – «жизнь», понятого не как нечто очевидное, однажды данное и предлагаемое человеку, а как некая витальная сила, действующая в мире и в человеке. А. Е. Кунильский в своей монографии приглашает к такому коллективному разговору исследователей разных гуманитарных направлений, в первую очередь, безусловно, литературоведов. Следует в дальнейшем уточнить в науке «статус» понятия «Жизнь», введя его в определенный терминологический ряд.

В первой главе «Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века» А. Е. Кунильский выявляет как генезис, так и наполняемость *витализма* как явления, встраивая свои размышления в богатейшую библейскую

(ветхо- и новозаветную) традицию, привлекая арсенал русской и западноевропейской философии и литературы, намечая «очертания», аксиологическую значимость, философско-эстетическую наполняемость и особую структуру темы жизни.

Жизнь – это не только сущее (предлежащая действительность), но и сам источник, и духовная сила человека, и первейшая ценность. Истоки этого понятия, как это убедительно представил в первой главе автор монографии, не только связаны (как ожидалось) с немецкой традицией эпохи просвещения (И. В. Гёте) и романтизма (Ф. Шлегель, Новалис), но и уходят глубоко в «седую древность» – к «многовековой библейской традиции» (с. 21). Само создание человека из «праха земного», согласно книге Бытия, завершается наделением его «дыханием жизни». В противовес этому акту творения Богом Адама приведем пример из второй части «Фауста» Гёте, в одной из сцен которого рождение гомункула в колбе ученым становится возможным только при появлении сил тьмы (Мефистофеля).

Согласно размышлениям автора, в традиции французского Просвещения (Вольтер) «жизнь» и «душа» не являются синонимами, более того, даже противопоставлены друг другу. А. Е. Кунильский дает две противоположные по своей сути коннотации слова «жизнь»: «как нечто, связанное с Богом, происходящее от Него, заключенное в Нем, и отрицательную – как нечто тягостное для человека» (с. 130). В этой же главе дана своеобразная переключка голосов поэтов и философов, А. Пушкина, А. Хомякова, М. Лермонтова, И. В. Гёте и Н. И. Надеждина. Диапазон голосов здесь: от «Аполлона-Гёте» (слово Г. Гейне) «что б ни было: жизнь все же хороша» (с. 20) до «я жить хочу, хочу печали» М. Лермонтова. Казалось бы, в своем восприятии жизни вечные антагонисты – Гёте и Лермонтов – обретают в исследовании А. Е. Кунильского точки соприкосновения через мотив «сорванного цветка (= юной девы)».

Обзор первой главы был бы неполным, если бы не прозвучало имя Ф. Ницше, неразрывно связанное с «философией жизни». Философия жизни (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон) в противовес научному (рассудочно-рациональному)

познанию мира выдвигает органическое и интуитивное миропонимание, которое вынесено в наименование самого направления – «жизнь» (*das Leben*). Жизнь, на языке представителей философии жизни, неморальна, по ту сторону добра и зла. О. Шпенглер дал глубокое понимание этому ставшему на рубеже веков ключевому понятию:

«Жизнь – нечто изначальное и окончательное, не ведающее ни системы, ни программы, ни разумности; она – сама для себя и сама собой осуществляется, и глубокий миропорядок, в коем она себя самую кажет, можно лишь узреть и почувствовать и лишь после этого описать, не разлагая однако на доброе и злое, правильное и ложное, полезное и желанное»¹.

Тематически монография разбита на два блока, объединенных концептуально темой «Живая жизнь». Само сочетание восходит не только к названной уже выше книге В. Вересаева, посвященной Ф. Достоевскому и Л. Толстому, но и, как прочерчивает генезис понятия автор работы, к словам из краткой проповеди: «...воскрес Христос, и жизнь жительствоует» (с. 13).

Первый блок монографии связан с анализом этого явления в творчестве А. С. Пушкина и поэтов русской литературы первой половины XIX века, далее, соединяя «оба блока», следует раздел о витализме Гоголя и Достоевского, второй блок посвящен выявлению данной темы в двух романах Ф. Достоевского («Преступление и наказание» и «Бесы»).

Анализируя тему жизни в поэзии, в романе «Евгений Онегин», в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина, автор монографии приводит яркий, доказательный материал, дает интересные комментарии через призму витальности. Многие сцены (уже ставшие хрестоматийными и слегка «затертыми» в мировой литературоведческой науке) вдруг при таком ракурсе заиграли новыми эвристическими смыслами, что, безусловно, обогатит отечественное пушкиноведение. По-новому заиграли встроенные в новый (витальный) контекст отношения Евгения Онегина и Татьяны и самого автора романа в стихах, мотивы жизнеотрицания и (напротив) принятия жизни дают новые оттенки смыслов при анализе «Моцарта и Сальери» и «Пира во время чумы». Вся палитра смыслов жизни «затаилась» в поэзии А. Пушкина: *и праздник жизни, и тяготы ее*.

Привлекает и стиль, и особый камерный тон автора исследования: строки Пушкина зазвучали при комментировании А. Е. Кунильским по-особому, становясь своего рода камертоном *подлинной живой жизни*, которую мы часто в суете сует упускаем, не имея возможности остановиться, погрузиться в себя и вознестись мыслью к небесам.

Автор исследования приводит множество цитат из произведений русских писателей, поэтов, критиков XIX века, из переписки, статей, воспоминаний, выявляя в каждом конкретном случае новые коннотации (подчас противоречащие друг другу), собирая в одно контрастное и динамическое единство метапонятие – «жизнь». В монографии приведены высказывания Бакунина и Белинского, Жуковского и Одоевского, также главных идеологов славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. «Весь этот хор голосов» позволил выявить национальное своеобразие витализма отечественной словесности.

Второй блок рецензируемой монографии посвящен раскрытию темы витализма русской литературы второй половины XIX века. Тема предстает развитием первого блока, но при анализе произведений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и И. С. Тургенева автор дает ей новый разворот. Особый интерес представляют разделы, посвященные романам Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»). Как в случае с анализом творчества А. С. Пушкина, так и здесь: при прицельном угле зрения автора работы – сквозь призму темы «живой жизни» – по-иному зазвучали «реплики» героев Достоевского, они наполнились для читателя монографии добавочными, проясняющими идейный пласт романов смыслами.

Выстраивая цепочку *Достоевский – славянофилы – Шеллинг*, автор монографии увязывает концепт «живой жизни» у русского писателя и с народными и христианскими представлениями. Раскольников, ощущая жизнь как «тупую и тяжелую», вместе с тем, по наблюдениям А. Е. Кунильского, рвется «к высшим формам жизни», при этом «по мере того как карикатурно начинает казаться жизнь в ее “высших”, по представлению героя, формах, все сильнее и сильнее становится голос жизни в ее “низших”, инстинктивных проявлениях» (с. 114).

Показывая духовную метаморфозу Раскольникова и его восприятие жизни подлинной, автор монографии приходит к выводу, что герой «Преступления и наказания» хочет в итоге «испить чашу с людьми, а не без них». Каторга открывает смысл Раскольникову: вместо оторванности и отвлеченности – «бессознательное приятие радости жить» (с. 115).

Книга А. Е. Кунильского содержит глубокий нравственный потенциал и, помимо блестящего филологического анализа и интерпретации, побуждает нас (читателей, исследователей) к разговору с самими собой о важных, предельных, вечных вопросах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Spengler O. Preussentum und Sozialismus. München, 1924. С. 84. Перевод профессора Л. И. Мальчукова.